
ПРИРОДА И ОБЩЕСТВО

Л. О. КАРПАЧЕВСКИЙ

СОВЕТСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И УТОПИЯ: МЫСЛИ ЕСТЕСТВЕННИКА

Утопии выглядят гораздо более осуществимыми, чем в это верили прежде. И ныне перед нами стоит вопрос, терзающий нас совсем иначе: как избежать их окончательного осуществления?

Н. Бердяев

Марксизм

Советская цивилизация была задумана как система коллективной жизни и коллективного труда. Подразумевалось равенство людей перед законом при справедливом вознаграждении за труд. Вначале были начаты репрессии против «чуждых» классов и групп, очевидно, для создания «однородного» общества. Потом эти репрессии стали применять уже ко всем людям. Утописты, стоявшие у власти, слепо верили в основные положения марксизма, что не мешало, когда это было выгодно лично им, менять свои действия. Например, положение К. Маркса о социализме как всемирной системе было заменено построением социализма в одной стране. Предполагалось, что строительство заводов тяжелой промышленности автоматически выведет страну на новый уровень. Также считали, что коллективизация сразу приведет к росту урожая и решению зерновой проблемы. Однако эти утопические идеи приводили к обратным результатам. Из всех стран с европейской структурой общества Россия больше всех пострадала от голода, прямого следствия безумной утопической политики, но при этом руководители

соблюдали свои шкурные интересы. Утопия привела к созданию вместо классового общества кастового общества. Был создан громадный аппарат подавления, который должен был следить за порядком, за безопасностью государства и народа. Война и 30-е гг. показали, что кроме борьбы с безоружными и невинными людьми наша государственная безопасность ничего не умела делать. Госбезопасность стала самой опасной для нашего народа организацией. Но, может быть, в своих отношениях с природой наше общество проявило реализм и мудрость? На первый взгляд в такой постановке вопроса что-то есть: Россия первая в XX в. поставила дело заповедования на очень широкую ногу. На территории СССР было организовано более 100 заповедников. Правда, первоначальным толчком к их организации была активность ученых, но правительство шло на организацию заповедников достаточно легко. В конечном итоге вся наша страна стала заповедником, в который въехать и из которого выехать могли только избранные, проверенные, нужные люди. И в условиях железного занавеса для всей страны и заповедных территорий для животных был заложен один и тот же принцип: любое посещение делается с дозволения начальства. Но посещение начальством заповедных мест даже для охоты не требует специальных разрешений (как и выезд его за рубеж). Очевидно, правительство было уверено, что такой режим установлен навеки. Оно утопически считало, что такой порядок отвечает высшим интересам страны и что он незыблем. Необходимо коснуться проблемы, что считать утопией. Утопия (от греч. *ου* – «нет» и *τοπος* – «место»), то есть место, которого нет; по другой версии, от *ευ* – «благо» и *τοπος* – «место», то есть благословенная страна) – изображение идеального общественного строя, *лишенное научного обоснования*. Термин ведет происхождение от названия книги Т. Мора (1516). Понятие «утопия» стало нарицательным для обозначения различных описаний вымышленной страны, призванной служить образцом общественного строя, а также в расширительном смысле всех сочинений и трактатов, содержащих нереальные планы социальных преобразований. Антиутопия – течение в литературе, представляющее собой критическое описание общества утопического типа. В западной социологической литературе употребляются также понятия «дистопия», то есть «искаженная, перевернутая» утопия, и

«какотопия», то есть «страна зла». Для современной картины мира характерно переплетение утопических и антиутопических тенденций, которое выражается в том, что провозглашаемый в ней социальный идеал, как правило, оказывается отталкивающим для широких масс населения, ибо сопровождается отказом от традиционных гуманистических и демократических ценностей. Сегодня жанры антиутопии и утопии переплетаются, и точно сказать, описывает художественное произведение общество утопическое или его антипод, зачастую невозможно. Итак, утопия – это проект лучшего будущего. Общий смысл утопий в том, что в них описываются принципы построения и функционирования некоего идеального общества.

Считалось, что марксизм-ленинизм – наука, и построенная по сформулированным этим учением законам социальная структура общества представляет собой естественную эволюцию общества. Исследователь утопии и английский историк Мелвин Ласки в книге «Утопия и революция» пишет, что порок марксизма состоял в отказе от конкретной и подробной картины будущего, что Маркс буквально приходил в бешенство, когда его просили объяснить подробно, каким он видит будущее, поясняя, что это все досужие мечты, зачем сегодня вдаваться в детали, надо сделать, а там посмотрим. Либералы именно это и ставят в вину Марксу. Второй общий порок марксизма – непонимание сути эволюции. Марксисты представляли эволюцию как достижение конечной станции – коммунизма.

Однако можно провести параллель между развитием общества и эволюцией природы. Эволюция природы сопровождается усложнением структуры видов, но одновременно в природе существуют вирусы, микроорганизмы, простейшие, членистоногие и т. д., то есть возникновение нового вида не всегда сопровождается исчезновением всех видов данного семейства. Так и в обществе. Усложнение и демократизация общества часто сохраняют разные уклады. Так, при «высокой стадии развития общества» – социализме – сохранялись культура каменного века (народы Севера), рабовладение (лагеря заключенных), крепостное право (колхозы), капитализм (теневая экономика), пауперизация народа (бичи, бомжи и пр.). Утопия оказалась неспособной решать все социальные задачи,

кроме одной: заставлять воевать свой народ, обычно за лучшее будущее. Кроме того, эволюция живых организмов не терпит господства одного или группы видов. Плюрализм – главный принцип природы. Постулаты коммунизма вели к формированию единого мнения для всех, то есть к мировому господству одного вида социального устройства, что в принципе противоречит эволюции.

Утопия и общество

Одно из неперенных следствий утопического общества – вера, что высшие чины государства разберутся в их трудностях. Увы, до Бога высоко, до царя далеко, а местные власти всегда с нами. Да и вера в царя-батюшку уже не раз подводила наш народ. Вера в благого царя, президента, премьера при плохих законах и при их неисполнении утопична сама по себе. В связи с этим интересно посмотреть на советскую литературу как отражение существовавшей утопии. В этих романах возникший производственный конфликт нельзя было разрешить на уровне руководства данного предприятия. Конфликт снимался и наказание виновных происходило только при вмешательстве высших чинов: секретаря обкома, министра, члена ЦК партии. Удивительно, но эта утопия ведет свое начало от «Капитанской дочки» А. С. Пушкина. Там также лишь вмешательство императрицы Екатерины восстановило справедливость. На самом деле императоры России почти никогда не щадили своих подданных. Николай Первый декабристов расстрелял на площади, пятерых повесил, а остальных сослал и не хотел их амнистировать даже через 20 лет. И только Александр Второй объявил об их амнистии. Но сам Александр сослал Н. Г. Чернышевского. Расстрел 1905 г. (в январе) дает представление о конце утопической веры в Николая Второго. Другими словами, утопическая вера в справедливость царя при всех злодеяниях его чиновников спокойно перешла в веру, такую же утопическую: в справедливость Ленина, Сталина, Хрущева и др. Все знали, как диктаторски ведут себя секретари обкомов, республик, и часто пытались жаловаться в Кремль. Как правило, в лучшем случае из центра поступала отписка. В худшем – разного рода репрессии обрушивались на жалобщика. Можно привести следующий пример. После освоения целины уже на второй-третий год стало ясно, что последствия этого мероприятия будут

неблагоприятными. Одному из научных работников Славгородской опытной станции (Кулунда), кандидату сельскохозяйственных наук П. С. Денисову газета «Правда» заказала статью о целине. Денисов написал статью, где осветил негативные моменты, проблемы подъема целины. Ему ответили, что статья имеет местное значение, и переправили ее в крайком партии Алтая. В результате Денисов был выжит с работы и уехал в Омск. Утопическое правило работало точно. Редкий случай торжества справедливости упирался в «стену плача», за которой царила полная несправедливость.

Утопические представления господствуют в нашем обществе до сих пор. Так, считается, что обществом можно управлять, что можно победить коррупцию; что можно построить общество равных; что можно предупредить злоупотребление служебным положением. Аналогично утопические идеи проникают в наше природоведение. Считают, что можно совместить природу, биосферу с техносферой. Полагают, что ноосфера – это господство человеческого разума, что человек может погубить биосферу, настолько он могущественен. На это можно ответить так.

Попытки полного управления обществом были описаны Дж. Лондоном, Оруэллом, Замятиным, Тендряковым. На практике это пытались осуществить фашисты и коммунисты. Результат был один. Управлять можно было лишь с помощью жесточайшего террора. Как только террор ослабевал, появлялось инакомыслие и неподчинение. Быстрый развал СССР свидетельствовал о наличии внутренних законов, приводящих к распаду тоталитарных утопических обществ. Кстати, фашизм – тоже утопическая система. Попытка одного человека или группы лиц взять на себя все управление обществом – страшная утопия, страшная потому, что сопровождается террором, уничтожением сограждан.

Судьба Римской империи показывает, что, казалось бы, разумная организация государства привела к его падению, разрушению именно в тот момент, когда началась энергичная динамика варварских народов. Конец любого развития – смерть для явления. Кризис – повивальная бабка истории.

Следует также отметить, что у человека имеется биологическое свойство, унаследованное от стаи (стадных) животных – быть таким, как все, не высовываться. В то же время определенное количе-

ство особей, как животных, так и людей, «высовываются», ищут других путей. Именно эта особенность приводит часто к активизации общества независимо от знака этой активизации (положительной или отрицательной). Утопия и предполагает сведение этой активизации к минимуму (общность мыслей и поведения людей). Невозможность этого показывает вся практика гестапо, КГБ и прочих карательных организаций. Вопрос в том, как долго удастся держать народ в состоянии относительного единомыслия. Обычным приемом для поддержания этого состояния являются создание образа врага и организация вооруженного конфликта. Для организации такого всегда найдется повод или его можно будет сфабриковать, как это сделали фашисты для того, чтобы напасть на Польшу. В этом плане советская цивилизация спокойно применяла такие же способы (конфликт с Финляндией, присоединение Прибалтики).

Если подытожить основные признаки советской цивилизации, то получится следующая картина:

1. Стремление к единомыслию.
2. Создание образа врага.
3. Организация видимости самоуправления.
4. Несменяемость руководителей.
5. Выдвижение в обычных условиях на командные должности самых средних по уровню людей.
6. Исключительные обстоятельства приводят к выдвижению талантливых людей, но по мере стабилизации обстановки их отодвигают или даже уничтожают.
7. Безразличие к природе, но использование ее как определенного аргумента в пользу строя. Спасать ее, когда это не мешает общей политике, и спокойно губить ее, если это покажется полезным для правящей касты.
8. Круговая порука во всем, в том числе и в атаке на природу. Если какое-то ведомство окажется против такой атаки, то меняют или руководителя ведомства, или само ведомство («реформируют»).
9. Полное подавление частной инициативы и инициативы вообще.

Итак, утопии – это очень опасное явление. Всякое плановое централизованное общество – утопическое общество, оно тем опас-

нее для народа, чем фанатичнее его руководители. Поклонники утопий, ее последователи не терпят инакомыслия, и террор – постоянный спутник утопии. Отношение утопического общества к природе во многом определяется размерами страны. Большие размеры позволяют сохранять часть естественных экосистем. Небольшие размеры приводят к полной замене естественных экосистем искусственными. Рациональное общество полностью заменяет биосферу антропосферой. Вообще очень трудно провести границу между рациональным и утопическим обществом. Скорее всего, это одно и то же. Рациональное сегодня устройство через некоторое время приходит в противоречие с развитием общества, и попытка сохранить его порождает утопические элементы в обществе. Очень трудно порой различать утопию, антиутопию и рациональную организацию. Утопия – застывшая форма развития, а без эволюции, развития жизнь вырождается, о чем свидетельствуют динозавры. Общий мир между народами – утопия или нет? Если нация отбросит национальный эгоизм (национальное самосознание) и даст возможность включить в свой состав другие нации на правах геномов, но не социумов, тогда войны не будет. Если же нация воспротивится, то конфликт неизбежен. То есть многие наши представления о будущем утопичны, иногда нарочно оторваны от реальной базы, поскольку эта реальность достаточно жесткая. Могут ли в пределах одной страны существовать два и более социума, или одна страна – один социум? Цивилизованные решения – это утопии? Война в пустыне, афганские войны – это цивилизованный путь? Террор – это тоже средство утопии заставить всех признать вашу правоту? Кстати, именно марксизм возвел террор малых наций в их доблесть как законное средство борьбы с «иноземными угнетателями».

Возможно, в ноосферу возникший новый Разум сохранит человека как вид, но, возможно, это тоже утопия, как и утопия о Вечном мире. Война – это плохо, все осознают это, но часть правителей хотят сделать на этом карьеру, сохранить или удержать власть, а мировые чиновнические аппараты показали, что они или не готовы, или просто не могут сохранять мир. Ведь горячую войну между США и СССР предотвратили не органы ООН, а прямые переговоры руководителей стран и их собственное желание мира. Югосла-

вия, Грузия, Ближний Восток, Африка – регионы, где ООН оказалась бессильна перед авантюризмом некоторых руководителей стран. Также не решен вопрос, как поступать в случае «развода» двух народов, живущих в одной стране. Мирный «развод» Норвегии и Швеции остается до сих пор исключением. Можно считать мирным распад Британской империи и СССР, но здесь более сложная ситуация. Возникает дилемма: Грузия отделилась от России, но почему Абхазия не может отделиться от Грузии? Почему международные организации так старательно придерживаются советского принципа: создадим маленькую автономную Молдавию и присоединим к ней всю Молдавию, создадим Карело-Финскую республику и присоединим к ней Финляндию. Присоединим этнических немцев Чехии к Германии. Отсюда идет вторая тенденция: выселить всех инородцев с данной территории, оставив лишь аборигенов. Но в конечном итоге оба пути – утопия, временные решения, чреватые потрясениями. Говорят, что Брежнев не хотел воевать в Афганистане. Андропов и Политбюро настояли. Коллективный разум Политбюро на поверку оказался коллективным безумием. Но как создать механизм, чтобы «завихрения» отдельных членов правительства не превращались в трагедию народа? Смерть Сократа не научила ни одного правителя.

Советская идеология утопически стремилась освещать все перипетии жизни страны в «оптимистических» тонах. Все деятели милиции, НКВД и правительства были розовые, почти с крылышками. В кино и театрах их играли обычно самые симпатичные артисты. «Следствие ведут знатоки», «Дело Румянцева» и пр. показывали вдумчивых, умных профессиональных милиционеров. Плохими были отдельные лица. И в то время, когда шли сериалы о знатоках, в стране бесчинствовала щелоковская милиция. Вторая ипостась милиционера этого времени показана в «Деревенском детективе», где Анискин – этакий справедливый хозяин района, который милует и казнит по собственной совести, не по закону. А кто носители преступного начала? Продавцы, руководители дома культуры и прочие «мелкие людишки».

В нашу эпоху появились киноленты об «оборотнях в погонах», но это практически ремейки американских фильмов на эту тему. Но страшно думать, что срастание органов безопасности и пре-

ступного мира, возможно, не утопия, если ей не поставить четкий заслон.

Утопическое общество и природа

И все-таки, как обстояло дело с природоведением в нашем утопическом государстве? Декреты о первых заповедниках подписывал еще Ленин. В начале 30-х гг. прошлого века было организовано значительное количество заповедников. В конечном итоге было сформировано ведомство по руководству работой заповедников и назначено финансирование. Иногда заповедники ликвидировали, как это было во времена Хрущева, и тогда на них жадно набрасывались разные организации, чтобы скорее использовать древесину и другие «полезности» заповедника. Наступала новая пора, и часть заповедников восстанавливали свой статус. Утописты в правительстве считали, что достаточно объявить о заповедовании, как дальше дело пойдет само. Это был самый настоящий утопический подход к охране природы. Работа заповедников требовала все больше расходов. А денег не хватало на вооружение. Именно поэтому заповедники финансировали по остаточному принципу. Там жили и работали люди, искренне любящие природу.

В то же время устами И. В. Мичурина был провозглашен принцип: «Не надо ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача». Как всегда, вырванный из контекста лозунг обозначал нечто противоположное мысли автора. Мичурин имел в виду только селекцию новых сортов (не ждать, пока отбор создаст новый вид, а самим выводить новые виды).

Общественность с легкой руки лысенковцев приняла этот лозунг как программу отношений человека с природой в целом. Отсюда стремление спрямить реки, мелиорировать земли, срыть горы и прочая литературная и проектная продукция. Был забыт принцип врача: главное при лечении – не навредить.

СССР имел громадную площадь пахотных земель. Несмотря на это, стремление правительственных чиновников было одним – расширить посевную площадь. Опять сработал глупый марксистско-ленинский принцип о главном звене. Схватимся за главное звено и вытащим всю цепь, но главное звено есть у самых разных цепей, а возможно, что главного звена нет, а есть целая цепь, где надо рабо-

тать с каждым звеном. Попытки решить с ходу проблему всегда сопровождались непродуктивными затратами. Так, процесс поднятия целины в Сибири закончился развитием эрозии, потерей почвами плодородия и в конечном итоге переводом этих земель в залежь.

Средняя урожайность пшеницы колебалась около 1 т/га. Урожай других культур был одним из самых низких в мире. Поэтому производство сельскохозяйственной продукции у нас до сих пор нерентабельно. Были развернуты программы химизации земель, их мелиорации. Мелиорация началась с орошения почв Средней Азии. Сначала урожаи оправдали мелиорацию, но потом усилилось засоление возделываемых почв, уменьшился сток воды в Арал, что привело к Аральской катастрофе: высыханию части озера и социальной катастрофе населения. Утопическо-крепостническо-рабовладельческий принцип ведения сельского хозяйства привел к тому, что почву не берегли, ее засоляли, разрушали, уплотняли. У почвы не было хозяина, а временщики интересовались лишь валовым сбором продукции (даже не урожайностью и рентабельностью). Была сделана попытка заинтересовать людей в повышении урожайности. За урожай 3 т/га стали давать звание Героя Социалистического Труда. Это породило новое явление: сговоры председателей колхозов. Один год колхозы свозили зерно на поля одного председателя, на второй год – второго и т. д. Утопия породила развитое очковтирательство. Оно господствовало везде: в сельском хозяйстве, промышленности, госбезопасности. Судя по отчетам последней, в СССР работало шпионов больше, чем во всем мире, вместе взятом. Хотя по данным американских наблюдателей было как раз наоборот: СССР содержал наибольшее количество агентов в мире. Словом, утопия порождала мифы о передовом сельском хозяйстве во главе с Лысенко, передовых промышленных предприятиях, проницательных чекистах, умудренных опытом и знаниями руководителях. Замена реалий мифами и утопическое представление о путях развития страны привело к очень низкому уровню жизни в нашем государстве. А как обстояло дело с природой? Если учесть, что в середине XX в. было распахано более 30 млн га, то можно представить, что стало с целинной степью. Как уже говорилось, часть заповедников были закрыты. А если находили полезные

ископаемые, то безжалостно отчуждали от заповедников участки территории.

В последней трети XX в. возник проект поворота северных рек, постройки каналов и переброски части воды на юг. Проект, как всегда, был грандиозен и утопичен. Не менее утопичен был план преобразования природы: устройство лесополос на юго-востоке ЕТР. Система полос должна была спасти страну от суховеев. В 1960-е гг. эти полосы и этот план были заброшены. Системы местных лесных полос и лесных насаждений – очень полезное дело, но глобально изменить климат с их помощью невозможно.

За время советской власти выработались два подхода к природе. Центр пытался издали сохранить природные объекты, на местах при малейшей возможности старались использовать объект вплоть до полного уничтожения. Так обстояло дело, например, с Кологривским лесом (Костромская область). Этот массив леса представляет собой участок практически первичного нетронутого леса. Как только встал вопрос о его заповедовании, местный леспромхоз тут же срочно вырубил всю защитную полосу, оставив лишь 4 заповедных квартала. Деревья имели высоту в 40 м. По ГОСТу обычно отрезается у срубленного ствола метр у комля дерева, затем отрезается бревно длиной 22 м. Остальная часть ствола остается брошенной на лесосеке. (Это была еще старая технология.) В результате такого использования на вырубке были брошены 17-метровые бревна. Таких примеров можно привести не один. Сейчас отношение к природе стало еще хуже. Бизнесмены разного сорта правдой и неправдой пытаются отрезать куски лесной территории для строительства коттеджей и пр. Сегодня действует утопический порядок советского времени: есть утопические законы, очень правильные, и есть подзаконные акты, позволяющие нарушать эти законы. И полное отсутствие наказания наших именитых сограждан при нарушении ими законов. Сохраняется утопический принцип в юстиции. Мало того, несмотря на это, а может, именно поэтому наша Дума обычно штампует самые разрушительные для нашей природы законы. Пользуясь тем, что во времена утопии нарушения проходили безболезненно для многих ведомств, теперь это узаконивают. Когда принимали Лесной кодекс РФ, лесники обратились в правительство с протестами против этого документа, не

учитывающего, что леса России – это наше абсолютное богатство, а не доход отдельных лиц. Академик А. С. Исаев имел беседу с президентом России по поводу кодекса. Но президент не стал слушать и вникать. Он сказал, что верит своему премьеру. Правда, через несколько месяцев перестал ему верить, и премьер был отправлен в отставку.

Как уже говорилось, попытка одного человека или группы лиц взять на себя все управление обществом – страшная утопия, страшная потому, что сопровождается террором, уничтожением сограждан. Аналогично отношение к природе. Нельзя уничтожить биосферу. Можно уничтожить человечество. Чернобыль – яркий пример этому. Люди погибли и погибают от излучения. Природные экосистемы восстанавливаются в Чернобыле в полной мере, как только снялось давление человека. Не может быть мирного сосуществования техносферы, агросферы и биосферы. Первые две сферы непрерывно теснят истинную биосферу. Она проникает в эти сферы (патологические микробы, членистоногие, крысы, тараканы). И неизвестно, к чему приведет это проникновение. Так, уничтожение естественных экосистем приводит к тому, что разные «нахлебники» этих экосистем меняют своих хозяев. Возможно, что СПИД распространился в результате уничтожения естественных тропических экосистем и смены хозяев (обезьян?) на человека. Естественные экосистемы не могут существовать без хищников. Но хищники в заповедниках – большая проблема для жителей вблизи заповедников. Человек вынужден отстреливать животных, регулируя численность всех видов животных в заповеднике. То есть заповедник – лишь отчасти естественная экосистема. Социологи не учитывают биологического фактора – отклонения человека от нормы. Даже если доля этих отклонений не изменяется, общий рост численности приводит к нарастанию биологически обусловленных преступников (в духе представлений Ломброзо). Все это заставляет отклонить всякое плановое, направленное движение общества к какой-то важной цели. Соблазненные этой, как правило, утопической целью, люди готовы на любые преступления, отклонения от унаследованных правил.

Господство одного вида (группы видов) также невозможно. За какое-то время это господство приведет к вырождению этих видов.

Вымирание динозавров – не результат космических катастроф, а итог биологического развития. Природа не дает долго господствовать одним и тем же видам. На смену им приходят другие. Поэтому утопичны наши надежды на благополучное существование человека в безграничном будущем. Эволюция ведет к тому, что у высших животных (организмов) рождаемость уменьшается. Аналогичное наблюдение можно сделать при анализе наших цивилизаций. Чем выше цивилизация, тем меньше детей в семье.

Одна из самых общих утопий состоит в том, что мир, природа, общество могут находиться в равновесии. Они могут находиться только в развитии. А конец развития – величина неизвестная. Наверное, нельзя ускорить это развитие. Ускорение может только осложнить эволюцию.

Очевидно, оценки развития общества и взаимоотношения его с природой следует пересмотреть с более реалистичных позиций. Можем мы увеличить нашу энергетическую обеспеченность? Сможем мы справиться с отходами (свалками)? Не поставит ли атомная промышленность новые условия существования биосферы, вплоть до появления новых мутаций и смены человека новым видом?

Вполне понятно, что многие положения этой статьи абсолютно не доказаны, и, скорее всего, они – соображения, а не факты. Хотя фактов достаточно, их можно умножить, но оценка этих фактов может существенно различаться у разных исследователей. Одно сейчас ясно: жизнь в утопии, несмотря на определенные достижения в отдельных областях, в конечном итоге приводит к деградации населения, снижению его жизненного уровня и гибели этой цивилизации. Сейчас выдвигают тезис об опасности для природы и человека общества потребления. Однако оценка отношения к природе нищих стран Африки и Азии показывает, что оно у них еще хуже, чем в странах потребления. Там биосфера уничтожается, заменяется агроферой. В странах потребления сейчас идет процесс искусственного восстановления биосферы. Если подытожить, то можно заключить следующим.

За время советской цивилизации были проведены следующие «атаки» на природу:

1. Тотальная вырубка лесов с помощью заключенных и «трудового фронта».
2. План преобразования природы – создание лесных полос.

3. Создание каскада водохранилищ и гидроэлектростанций на Волге и других реках.
4. Поднятие 30 млн га целины.
5. Орошение и засоление в результате этого млн га земель в Средней Азии.
6. Осушение болот в Белоруссии, приведшее к потере плодородия почвы.
7. Загрязнение почв химическими веществами, радионуклидами.
8. Проект переброса северных рек на юг.
9. Постройка целлюлозно-бумажного комбината на Байкале.
10. Загрязнение Ладожского озера.
11. Уничтожение малых рек.

Кроме того, следует остановиться на мерах по уничтожению нормально функционировавшей агросферы. Высокие налоги на фрукты привели к вырубке садов на территории РСФСР. Налог на овец (1,5 овчины с овцы) привел к снижению эффективности овцеводства и прекращению (скорее, к резкому снижению поголовья) его в ряде регионов. Бесконечные манипуляции с семейным законодательством, с правами женщин и мужчин, сокращение мужского населения активного возраста на 20 млн привели в конечном счете к падению рождаемости и численности населения.

Всем известен печальный опыт Платона в создании утопического государства под управлением философов. История показывает, что централизованные тоталитарные государства существуют недолго, практически 2–3 поколения, а затем распадаются. Это и продемонстрировал СССР, который распался не под влиянием мирового империализма, а под влиянием имманентных, внутренних факторов, работающих независимо от желания руководителей. Капитализм и демократия как вероятностные системы более устойчивы и менее опасны, чем тоталитарные, даже для своего народа, тем более для других.

Как уже отмечалось, утопизм России в какой-то степени обусловлен также размерами страны и ее богатствами. Все это приучило людей ничего и никого не жалеть, даже друг друга. Все можно восполнить. Второй принцип утопии – все образуется само собой. Особенно это проявляется по отношению к природе. Лесов много, черноземов много, пространства много. И все это само по себе рано или поздно поможет нам. Именно поэтому призывы к переделке природы не вызвали у людей возражения. Возражали лишь мест-

ные жители, но их никто не слушал. Калязинская колокольня в водах Рыбинского водохранилища – наглядный пример нашего подхода к переделке природы. Основная утопия сейчас – сохранение существующей биосферы. Тропическая биосфера сокращается очень быстро, превращаясь в агросферу. Эта утопия господствовала и в советском обществе. Казалось, особенно в послехрущевское время, что можно вести хозяйство лишь на части территории СССР. Но именно в это время наступила великая катастрофа с Аралом. Очевидно, территория, необходимая для сохранения разных видов, приходит в противоречие с интересами народного хозяйства, хозяйства человека. Система национальных парков лишь сохраняет специфические виды при поддержке человека, но не экосистему. Именно биогеоценологический подход заставляет предположить, что в ближайшие 500 лет создастся новая биосфера, объединенная полностью с антропосферой. Но это приведет к тому, что многие виды смогут сохраниться только в зоопарке (слоны, волки, медведи, львы, тигры). Сохранение естественных экосистем, в том числе биогеоценозов – утопия, тем более вредная, что она обманчиво желанная.

Заключение

Надо сказать, что советская власть продемонстрировала миру все утопические моменты цивилизации. Нельзя безнаказанно только брать от природы. Не могут в будущем свободно и независимо отдельно существовать биосфера и антропосфера. Или погибнет антропосфера, или создастся гибрид этих двух видов геосфер.

Если человечество не найдет способа бороться с собственными отходами, катастрофа неминуема. Централизованное управление обычно ведет к грандиозным ошибкам. Местные интересы часто вступают в противоречие с природой. Поэтому необходима разработка новой системы управления для спасения человечества, совмещение централизованного контроля с локальными разработанными проектами. В естественных экосистемах отсутствует понятие вреда. Там развита трофическая сеть, и она – естественное и обязательное условие существования биосферы. Понятие «вред» ввел человек, чтобы им обозначить все те явления, которые уменьшают выход пищевой продукции. Болезни его растений и животных, а также самого человека вызываются вредителями. Возникает во-

прос, который поставил уже В. В. Вересаев: что лучше для человека будущего – создать иммунитет к основным болезням или уничтожить носителей этих болезней? Возможно, что оба эти пути – утопические. Второй путь осветил нам Г. Уэллс в романе «Война миров», где стерильные марсиане умирают от микробов Земли. Но существование микроорганизмов в биосфере, как уже говорилось, – неизбежный процесс, что доказано всей эволюцией биоты Земли. Мы еще раз подчеркиваем, что в биосфере сохраняются очень многие группы более низших организмов наряду с высшими.

Итак, мир должен и будет развиваться. Будут развиваться биосфера и антропосфера. На каком-то этапе биосфера и антропосфера могут полностью слиться. Но прекращение эволюции немислимо.

Таким образом, советский период дает нам представление о реальной возможности воплощения на время многих утопических проектов и катастрофических результатах этих воплощений. Может быть, самый главный результат утопии – распадение, казалось бы, монолитного общества и государства от весьма слабого воздействия.